

Системный кризис образования как угроза национальной безопасности России

© Слободчиков В. И., Королькова И. В., Остапенко А. А., Захарченко М. В., Шестун Е. В. (архимандрит), Рыбаков С. Ю. (протоиерей), Моисеев Д. А. (иерей), Коротких С. Н. (протоиерей)

© Slobodchikov V., Korolkova I., Ostapenko A., Zakharchenko M., Shestun E. (archimandrite), Rybakov S. (archpriest), Moiseyev D. (priest), Korotkikh S. (archpriest)

Системный кризис образования как угроза национальной безопасности России

Education systemic crisis as Russian national security threat

Аннотация. Описаны факторы разрушения российского образования, стратегия и тактика выхода из кризиса, а также модельные представления о будущем образования в России.

Annotation. The factors of education destruction in Russia, strategy and tactics of crisis recovery, and also model ideas of future education in Russia are explained in the article, according to authors, has a direct bearing on the bases of national security of Russia.

Ключевые слова. Образование, системный кризис, национальная безопасность, факторы разрушения образования, этапы преодоления кризиса.

Key words. Education, systemic crisis, national security, education destruction factors, stages of overcoming crisis.

1

Россия последние десятилетия пыталась стать частью Запада. Отказываясь от собственных ценностей, она стремительно перекраивала все сферы жизни на западный манер. Особенно болезненно это сказалось

СЛОБОДЧИКОВ Виктор Иванович — сопредседатель Международного научно-экспертного совета по духовно-нравственной безопасности при Российском институте стратегических исследований, член-корреспондент Российской академии образования, профессор, доктор психологических наук. КОРОЛЬКОВА Инга Владilenовна — зам. сопредседателя Междунар. науч-эксперт. совета по духовно-нравств. безопасности при Рос. ин-те стратегических исследований, кандидат педагогических наук. ОСТАПЕНКО Андрей Александрович — профессор Кубанского госуниверситета и Екатеринодарской духовной семинарии, доктор педагогических наук.

ЗАХАРЧЕНКО Марина Владимировна — профессор кафедры социально-педагогического образования С.-Петерб. академии постдипломного педагогического образования, доктор философских наук.

ШЕСТУН Евгений Владимирович (архимандрит Георгий) — заведующий межвузовской кафедрой православной педагогики и психологии Самарской православной духовной семинарии, профессор, доктор педагогических наук.

РЫБАКОВ Сергей Юрьевич (протоиерей) — доцент кафедры теологии Рязанского госуниверситета им. С. А. Есенина, кандидат физико-математических наук.

МОИСЕЕВ Дмитрий Александрович (иерей) — священник Алатырской епархии, кандидат биологических наук.

КОРОТКИХ Сергей Николаевич (протоиерей) — руководитель отдела религиозного образования и катехизации Калининградской епархии.

на сфере образования и воспитания детей и молодежи, когда *воспитание прав* стало выше и главное *воспитания обязанностей*, насаждение мультикультурализма и толерантности заслонило уважение и дружбу, повсеместное возвращение лидерства и конкурентности почти на нет свело заботу и милосердие [4]. Коллективизм атомизировали индивидуализмом, патриотизм объявили идеологией маргиналов. Реформаторы спешили нашу столетиями выстраиваемую систему образования и воспитания привести к общему знаменателю с западной системой [3]. Образовательная политика осуществлялась вопреки национальным интересам и стала угрозой безопасности [1. С. 5–7].

Сегодня, когда Россия заявила свой суверенитет в полицентрическом мире, необходимо возвращать всю систему образования к традиционному укладу.

Отечественное образование во всех своих исторических формах всегда несло мощный потенциал развития российского общества и адекватного ему государства, потенциал их жизнестойкости и жизнеспособности. Опыт XX столетия показал, что наше образование неоднократно оказывалось источником беспрецедентных *социокультурных достижений и технологий* — ликвидации беспризорности, безграмотности, технической отсталости, социально-педагогического проектирования новых форм воспитания и перевоспитания личности, создания целостной развивающей системы дошкольного воспитания, образования работающей молодежи через систему вечерней сменной школы и систему заочного обучения, создания мощного естественнонаучного и математического образования и ряда других. В настоящее время востребованность подобных технологий очевидна. Да и задачи, которые приходится решать образованию сегодня, как ни прискорбно, — практически те же.

Сегодня в нашем обществе происходит изменение статуса образования. Из способа социализации отдельных индивидов оно преобразуется в механизм развития культуры, общества и человека. Развивающая функция образования становится определяющей: оно превращается в «генетическую матрицу» воспроизводства общества.

В таком контексте должно быть переосмыслено само понятие «образование»: оно должно сознаваться как особая *философско-антропологическая* категория, фиксирующая фундаментальные основы бытия человека и форму становления человеческого в человеке. Мировоззренческое значение антропологических идей в образовании состоит в понимании человека как творческого, самосозидающего существа, в признании человеческой личности как самоценности, рассмотрении образования как атрибута человеческого бытия, а не как служебной функции социально-производственных систем.

Ключевая идея антропологии образования заключается в том, что оно не может ограничиться только трансляцией подрастающим поколениям совокупности знаний, формирования у них наивременнейших компетенций. Социально-политическая и мировоззренческая катастрофа, постигшая нашу страну в конце XX в., обернулась *антропологической катастрофой*, диссоциацией человеческого в человеке — от потери смысла жизни у одних до потери нравственного облика у других.

По сути, именно образование должно стать практикой созидания человека в его свободе и достоинстве, универсальной формой становления и развития базовых способностей человека, позволяющих ему быть и отстаивать собственную человечность, быть не только материалом и ресурсом социального производства, но подлинным субъектом культуры и исторического действия.

Для этого необходим некосметический «евромонт» образования, но *преобразжение* всего его существа, его онтологических и мировоззренческих оснований, целевых устремлений, сложившегося на сей день научно-технологического уклада, уже не адекватного историческим вызовам.

Отечественное образование находится в точке бифуркации: либо восстановление его как стратегически важной для государства *сферы блага и служения*, либо превращение в инструмент цивилизационного переформатирования страны и народа в *общество производства, потребления и коммерциализации услуг*.

2

Общеизвестно, что советская школа была самой передовой, а советский народ — самым читающим в мире. До сих пор компьютерные программы для американских фирм пишут наши бывшие соотечественники, а в американских университетах преподают выпускники наших вузов. Однако эти преимущества системы образования утрачены.

Сегодня система образования РФ готовит «майдан» за государственные деньги. Профанация и саботаж патриотического и духовно-нравственного воспитания сопровождаются вытеснением его, воспитанием космополитически настроенного, «рыночного» человека.

В связи с этим необходимо рассматривать образование как часть системы национальной безопасности.

Движущей силой «цветных революций» была молодежь, которую оказалось легко вывести на массовые протесты. Можно сказать, что *киевский Майдан подготовил украинский учитель*. Симптомы неблагополучия в воспитательной сфере России уже налицо.

В конце 2015 г. студентка философского факультета МГУ Варвара Карапурова пыталась сбежать в запрещенный в РФ ИГИЛ; за ней такую же попытку предприняла студентка другого престижного столичного вуза Ирина Бабыкина. Этот список можно продолжить. А сколько наших студентов и выпускников мирно уезжают, хоть и не в ИГИЛ, но на Запад? Серьезные пробелы в духовно-нравственном и патриотическом воспитании допущены не столько на этапе вузовского образования — когда у молодого человека мировоззрение уже сформировано, — сколько на этапах среднего и даже дошкольного образования.

Одно из главных мест встречи подростка и молодого человека со «значимым взрослым» — школа¹. Именно она должна реально *отвечать* за воспитание детей и молодежи.

¹ Здесь и далее слово «школа» мы употребляем в широком смысле как любое образовательное учреждение — от детсада до вуза.

3

У каждого народа есть своя веками выработанная *педагогическая система*, основанная на *идеальном образе*, который является мерилом как всей образовательной деятельности, так и отдельных ее процессов.

Этот национальный воспитательный идеал сформулирован в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» как преемственная связь воспитательных идеалов эпох российской истории: преемственность образа подражания Христу, образа отдающего себя служению Отечеству гражданина, образа служения коммунистическому идеалу, образа свободной в самоопределении личности. Сформулирован и современный идеал — «высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации».

Этот идеальный образ несет отпечаток веры народа, выраженной в его этноконфессиональной доминанте. Обеспечить для новых поколений постижение устойчивости данного образа в преемственности эпох — важнейшая задача образования. Советская школа, несмотря на декларированный атеизм, передавала идеальный образ этноконфессиональной доминанты различными средствами: через программный материал по литературе, содержащий высокий образец нравственного человека; через «моральный кодекс строителя коммунизма», списанный с морального кодекса «второй скрижали» библейского закона; через образцы героического служения человека Отечеству, близким; через образцы жертвенности, явленные в героике советского кинематографа, литературы, публицистики.

Современная российская система образования не приемлет элементы духовно-нравственного образования и воспитания.

Главная цель реформы образования — дезинтеграция этноконфессиональной доминанты российского общества. Это разбивает образование на противоречащие друг другу фрагменты и формирует сектантское, иррациональное, нигилистическое сознание с экстремистским креном. Дезинтеграция этноконфессиональной доминанты проявляется в распространении оккультизма и неоязычества, а в перспективе чревато всплеском религиозного экстремизма, который разрастается именно на почве сектантства и оккультизма.

Навязывается разрушительная стратегия ориентации образования на образы «Я», транслируемые в глобальном медийном пространстве. Эти образы принципиально отличаются от образов классической культуры, побуждающих к духовному созиданию, творчеству, развитию и преображению. Медийные образы «Я» — предметы потребления и нацелены на ориентацию человека в пространстве предметов потребления, необходимых для создания соответствующего имиджа (в любом случае в обществе потребления готов набор вещей и услуг, которые ты должен купить, виртуальных медийных кумиров, которым должен подражать).

Виртуальные образы «Я» вступают в *конфронтацию* с идеальным образом народной педагогической культуры, ставят его в один ряд с собой, разрывают его связь с историей и культурой народа, перемещают в виртуальную реальность. Это дезориентирует как само общество, так и его образовательную систему.

Дезинтеграция педагогической системы народа обрачивается нестабильностью государства, поскольку неадекватное педагогическое воздействие на молодежь разрушает педагогический процесс и порождает агрессивность педагогической среды, что создает источники *экстремизма*.

Одна из главных угроз национальной безопасности России — угроза потери единства народа, раскола общества, чреватая гражданским противостоянием, острота которого может достигнуть уровня гражданской войны. Современная гражданская война, как и межнациональная, может носить гибридный характер. Надо исключить возможность использования системы образования как инструмента гибридной войны.

4

Общество устойчиво, только когда у основной части народа имеется *духовная доминанта* — идеальный образ, отвечающий педагогической культуре народа. При этом он поддерживается в информационном пространстве, явным образом представлен в качестве миссии и сверхзадачи образования, а механизмы развития образовательных систем ориентированы на него.

Под влиянием этого идеального образа формируется представление об истории общества и его месте среди государств и народов Земли, *формируется этноисторическое сознание и историческое мышление учащихся*.

Сегодня ни школа, ни вуз не решают задач формирования исторического мышления. История предстает перед учащимися как набор дат, имен, событий, что не позволяет им уловить смысловую связь событий истории, понять закономерности развития. Изъятие из содержания исторического образования этноконфессионального компонента в его регулятивной и аксиологической функции интерпретации исторических процессов позволяет насыщать структуры исторического сознания молодежи мифами и недостоверными сведениями. Научная составляющая вымывается, замещаясь обыденными знаниями и ложными суждениями.

Принципы духовной, нравственной и информационной безопасности требуют, чтобы формирование исторического мышления произошло по учебникам, в которых отражен ясный смысл исторического процесса, видение места нашего народа в истории через призму патриотизма и традиционных ценностей.

В гуманитарном образовании особое место занимает изучение *родного языка*. Его задача — формирование у учащихся этнолингвистической культуры, обеспечивающей преемственность духовно-нравственных и мировоззренческих основ бытия народа. Изменения лексики русского языка на рубеже XX—XXI вв. имеют качественный характер,

затрагивающий основную структуру лексического строя. Расширение общеупотребительной лексики происходит за счет просторечных слов, тюремно-лагерного жаргона, англизмов и компьютерного сленга социальных сетей. Налицо нарушение логики речи, деформация стилевых пропорций, несвязность высказываний. Наиболее опасно, что тенденции декомпозиции логической структуры языка проецируются на обучение русскому языку в начальных классах по одобренным Министерством образования и науки РФ учебникам и букварям. Учась по ним, первоклассник зачастую теряет и те знания родной речи, которые он естественным образом приобрел до школы. По оценкам, ряд учебников (например, комплект «Начальная школа 21 века» коллектива авторов под руководством профессора Н. Ф. Виноградова) построен местами так, что провоцирует неврозы, ибо заводит учащихся в многочисленные тупики.

Ярко выражена тенденция насаждения чужого в преподавании обществознания. Так, в федеральном комплекте учебников есть «Обществознание» для 7-го класса (авторы — А. И. Кравченко, Е. А. Певцова, издательство — «Русское слово»), вышедший более чем 10-ю изданиями. С первого параграфа авторы спешат сообщить, что в Великобритании и США подростков называют «тинейджерами», или «тинами», а далее по тексту нередко используют этот термин вместо родного слова «подросток». С первого параграфа мы сталкиваемся с откровенной глупостью: «...подростковый период — это отрезок жизни между детством и зрелостью» (С. 11). А куда девались юность и молодость? Первая глава «Личность подростка», которая уместилась в неполные 60 страниц, так насыщена фамилиями иностранных ученых, что у семиклассников невольно должно складываться впечатление о полном отсутствии отечественных социологии, психологии и антропологии. Авторы цитируют следующих «великих» англо-американских ученых: психологов Р. Хэвигхерста (С. 15), М. Хоу (С. 53); педагога Дж. Добсона (С. 15, 48); социологов Э. Богардуса (С. 57), Р. Стоддилла (С. 57); антрополога К. Клакхона (С. 60); писателя С. Норткота Паркинсона (С. 58). При этом один раз упоминается отечественный ученый В. П. Эфроимсон (С. 60) и один раз — ученый М. И. Станкин (С. 47). Не правда ли, мы видим список «самых известных» исследователей психологии подростка?! И уж эти фамилии точно должны быть известны семикласснику! Перечень нелепостей может быть продолжен.

Болонский процесс процедурно облегчает и мотивирует отток из России лучших квалифицированных кадров за границу, что делает нашу систему образования *малоэффективной для своей собственной страны*. Процессы иммиграции связаны, кроме потери кадров, и с утечкой секретной информации, передачей российских технологий конкурентам. Это ведет к ослаблению интеллектуальной элиты страны, научно-техническому и технологическому отставанию, деградации экономики.

Деформация гуманитарной сферы системы образования — прямая угроза адекватности подрастающего поколения, что создает благоприятную почву для успешного применения технологий управляемого хаоса.

Для исправления ситуации надо разработать *концепцию преподавания русского языка и литературы*, ориентированную на их классическое начало. Необходимо усилить изучение русского языка и литературы

и ввести строгий отбор рекомендованных произведений с ориентацией на русскую классическую литературу как хранительницу высоких эстетических норм и нравственных воспитательных образцов.

В настоящее время блокируется развитие новых образовательных областей «Основы религиозных культур и светской этики» в 1–4 классах и «Духовно-нравственная культура народов России» в 5–9 классах. Рекомендации Минобрнауки заведомо нереализуемы: нет примерной программы; хорошо себя зарекомендовавшие на практике учебные пособия не включены в федеральный перечень; при этом они не обеспечивают полноценного и всестороннего наполнения указанных предметных областей. Механизм развития учебно-методической базы не создается.

Гуманитарное образование строится для максимального затруднения формирования российской цивилизационной идентичности и нацелено на формирование идентичности иноцивилизационной, западной. Последствия такой образовательной политики в полной мере проявили себя на Украине.

5

Еще одна угроза национальной безопасности — *демографическая*. Россия занимает первое место в мире по территории и лишь девятое по численности населения. Современная школа не готовит молодежь к семейной жизни. Учебный курс, рассматривавший проблемы формирования и развития семьи, в начале 1990-х гг. был выведен из Базисного учебного плана школ. В России накоплен положительный опыт преподавания курса «Нравственные основы семейной жизни» и других аналогичных курсов. Несмотря на позитивную оценку педагогическим сообществом и стремление родительских сообществ вернуть семейно ориентированный учебный курс в Базисный учебный план для старших классов, эта инициатива упорно игнорируется.

Традиционный семейный уклад воспитания широко отражен в классической литературе, в народной педагогической культуре, в агиографической традиции русской словесности, — но это не находит места в подборе произведений, рекомендованных для чтения школьникам. Программы вводят в круг чтения школьников такие произведения, как «Здравствуй, грусть» Франсуазы Саган, «Гранатовый браслет» А. И. Куприна, «Лолита» В. В. Набокова или рассказы из цикла «Темные аллеи» И. А. Бунина. Высокий эстетический уровень выдвигается как главный аргумент их полезности. Но нравственные проблемы, поднимаемые в этих произведениях, непосильны для школьников, лежат далеко за пределами задач их взросления.

6

Реформа образования затрагивает не только содержание образования, создавая системные проблемы в знаниевых и воспитательных компонентах, но и *разрушает структуру территориального размещения образовательных учреждений*.

Серьезная угроза — *разрушение системы сельских школ*. Они продолжают массово закрываться, что ведет к деградации села. Это *еще одна угроза национальной безопасности*. Аргументация чиновников, основанная на утверждении о «нерентабельности» и «неэффективности» сельских школ, нелепа. Неадекватность аргументации в пользу сиюминутно-материального эффекта по сравнению с негативными социально-экономическими последствиями очевидна. А ведь без развития села невозможно импортозамещение в продовольственной сфере.

Кроме того, сообщество людей, формирующиеся на основе общественной практики труда на родной земле, выполняют важную культурообразующую роль. Неэффективный с точки зрения получения прибыли в логике капиталистического производства труд на земле обладает высоким духовным потенциалом и важен для развития культуры общества.

Главная проблема системы *управления российским образованием* — отсутствие стратегического подхода [2. С. 10–14]. Стратегические ориентиры образования предъявляются фрагментарно, в отрыве от признанных управленческих концепций. Управленческие документы не содержат развернутого стратегического взгляда на развитие образования и зачастую даже противоречат друг другу. Ситуация с ними часто напоминает популярную в «лихие 90-е» мошенническую игру в наперсток (пример — отмена в 2014 г. принятой в 2000-м «Национальной доктрины образования до 2025 года»).

В такой ситуации практика управления основывается на неосмысленном выполнении предписаний руководства. В теории управления такая практика известна и хорошо описана: это практика управляемой деконструкции объектов, применяемая для разрушения систем, подлежащих уничтожению.

В документах, претендующих на стратегическое значение, в основу образовательных стратегий положены быстро меняющиеся фрагментарные задачи, ошибочно принимающиеся за стратегические приоритеты, отвлекающие на себя колоссальные ресурсы и не приносящие должных результатов. Они не обеспечивают главное — *онтологический статус «образования вообще»* и, соответственно, *фундаментальные смыслы образования*.

Управление на основе базовых национальных (цивилизационных) ценностей и стратегических целей, обозначенных в новейшей «Стратегии национальной безопасности» (2015 г.), полностью отсутствует в отечественной системе образования. Декларируемые в ключевых управленческих документах цели развития российского образования («Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы») не соответствуют базовым национальным ценностям.

Наблюдается *разрыв между ценностными и целевыми ориентирами*. «Стратегия развития воспитания в РФ до 2025 г.» декларирует ценности, но не указывает цели, как их достичь и удержать, а «Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы» формулирует цели развития образовательной системы в полном противоречии с базовыми ценностями. Это дезориентирует практиков, созда-

ет почву для лицемерия и двойных стандартов в педагогическом сообществе.

Традиционные ценности как основа развития образования в России декларируются многими документами. Ценностная декларация содержится в преамбуле Конституции РФ и полагает в качестве ценностей свободу и независимость России, многонациональный народ РФ, соединенный общей судьбой на родной земле, память предков, завещавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями.

Национальная доктрина образования, успевшая сыграть свою роль в становлении стратегических ориентиров, указывает на такие ценности, как историческая преемственность поколений, сохранение и развитие национальной культуры, нравственность и патриотизм, взаимное уважение народов и культур. Духовно-нравственное развитие человека и ценности, выработанные в ходе исторического развития России, положены во главу угла в законе «Об образовании в Российской Федерации» (2012), в «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.», в «Основах государственной культурной политики» (2014) и в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» (2009), предлагающей понятие базовых национальных ценностей.

Однако управленческий механизм реализации заявленных идей не построен. В редакции закона об образовании от 2007 г. была выстроена адекватная данной задаче иерархия образовательных результатов. Закон определял, что образовательные программы должны обеспечить духовно-нравственное развитие, воспитание и качество подготовки обучающихся (ст. 9 п. 6). Но в сменившем его законе от 2013 г. в определение целей образования заложена двусмысленность. Декларируется, что образование осуществляется в целях интеллектуального, духовно-нравственного и (или) профессионального развития обучающихся. Использование союза «или» в определении нормы закона создает ситуацию абсурда: анонимный субъект общественной практики получает право присвоить себе прерогативу определения иерархии целей образования.

Показательна позорная история с «Национальной доктриной образования». Документ появился в 2000 г. Имея название «Национальная доктрина образования в РФ до 2025 года», он стал уникальным документом стратегического долгосрочного планирования в образовании. Документ был создан в контексте задачи, поставленной первым президентом России, — разработать национальную идею. На волне обсуждений вместо национальной идеи появилась национальная доктрина образования, она широко обсуждалась научно-педагогическим сообществом. Статус документа требовал обсуждений в Госдуме и подписи президента страны, — но был принят постановлением Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. за № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 года».

Доктрина всячески замалчивалась, многие документы в сфере образования принимались при полном игнорировании ее приоритетов. Но в педагогическом сообществе о ней не забыли. Когда проходило широкое обсуждение Федеральных государственных образовательных стандартов в 2008–2009 гг., ряд их важнейших положений об определяющем значении преемственности поколений, духовно-нравственного развития и воспитания в иерархии целей образования, о значении традиционных ценностей продвигались в опоре на положения «Национальной доктрины образования».

Видимо, чтобы предотвратить повторение ситуации «Национальная доктрина образования» была тихо отменена постановлением Правительства РФ от 29 марта 2014 г. за № 245 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». В качестве документа, утратившего силу, вышеупомянутая доктрина значится под № 51 в списке из 96 документов. Стратегический документ поставлен в один ряд с актами, определяющими меры по обеспечению специализированной мебелью образовательных учреждений (№ 14 в списке: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 1994 г. № 688). В примечании указаны основания отмены: «Данные меры обусловлены приведением нормативной правовой базы в соответствие с Законом об образовании и сопутствующими ему поправками».

Как отмечается на сайте Правительства РФ, некоторые акты фактически уже «утратили силу, другие противоречат законодательству, еще часть регулируют правоотношения, которые должны регламентироваться ведомственными актами». Остается только догадываться: доктрина образования, определяющая стратегию развития образования до 2025 г., утратила силу? На каком основании? Или она противоречит законодательству? Каким нормам закона может противоречить документ, согласно которому эти нормы должны приниматься на его основе? Или этот документ имеет ведомственный характер? Тогда какое ведомство должно отвечать за национальную стратегию образования?

Наряду с отменой в марте 2014 г. «Национальной доктрины» распоряжением Правительства Российской Федерации (от 29 мая 2015 г. № 996-р) принята «Стратегия развития воспитания в РФ до 2025 г.». Этот документ по статусу ниже доктрины (всякая стратегия принимается на основе доктрины). Он охватывает только часть образовательной реальности — воспитание, представляя собой бессистемное описание направлений деятельности. Его нельзя назвать стратегией. Он не содержит механизмов реализации. Распоряжением от 29 декабря 2014 г. № 2765-р правительство утвердило «Концепцию Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг.», которая определяет реальные управленические механизмы развития образования. Целевой вектор программы не связан с проблематикой духовно-нравственного развития и воспитания на основе традиционных ценностей и даже противоречит ему. Если категория духовно-нравственного развития ориентирует образование на становление целостного человека, то целевая программа говорит о человеческих ресурсах производственной системы в ее современной либерально-технократической форме, уже уходящей в прошлое.

В педагогическом сообществе до сих пор не оформлено представление о сущности *государственной политики* в сфере духовно-нравственного образования (развития, обучения и воспитания). В России накоплен большой опыт в области духовно-нравственного воспитания, полученный за 30 лет на началах инициативного общественно-педагогического движения в профессиональном сообществе, в социально-педагогическом партнерстве с родительской общественностью и традиционными конфессиями. Однако масса документов и материалов (нормативно-правовых, аналитических, идеологических, программных и др.), посвященных вопросам духовно-нравственного образования, пока не подвергается выявлению, изучению, анализу, обобщению и популяризации. Зачастую их научное обобщение вызывает сопротивление в господствующих научно-педагогических корпорациях.

В вопросах государственной политики в области духовно-нравственного образования часто проявляется некомпетентность работников сферы управления образованием на всех уровнях. Не поставлена задача формирования системы повышения квалификации. Нет федерального заказа на разработку стратегий и создание механизмов духовно-нравственного развития и воспитания. Эта объективная задача инициативно реализуется некоторыми регионами. В них появляются целевые программы духовно-нравственного просвещения, развития, воспитания населения, в том числе на началах межведомственного взаимодействия структур управления образованием, социальной защиты и пр.

7

Современная российская система образования неэффективна и из-за *дисбаланса финансирования* между системами управления и надзора и собственно образовательными учреждениями. Контрольно-надзорная система непропорционально разрослась, в то время как многие образовательные учреждения были закрыты в ходе оптимизации. Штат управленцев от образования и их оклады выросли пропорционально числу расформированных образовательных учреждений, уволенных педагогов и преподавателей.

Сам *процесс управления* как приведение деятельности в соответствие с нормами (законами, нравственными принципами и т. д.) *profанирован*. Управление образованием подменено *маневрированием педагогическим сообществом* посредством жесткой административной регламентации действий педагога.

Это неизбежно следует за потерей ценностных оснований педагогической практики. Если ценности не утверждены и цели образовательной деятельности не приведены в соответствие с базовыми ценностями, невозможно правильно выбрать педагогические *технологии, средства* и правильно выстроить всю педагогическую *деятельность*. Осмысленная деятельность по получению осмысленных результатов вырождается в *формальное функционирование*. Роль чиновника сводится к обеспечению формальных процессов.

Образование в «Законе об образовании» декларировано как «общественное благо», а реформы превращают его в *капиталистическое производство*, которое должно контролироваться монополиями и приносить прибыль. *Критерии качества и эффективности, внедряемые в образование, заимствуются у менеджмента сферы услуг.* Эффективность образовательных организаций оценивается по формальным критериям, главной единицей оценки становится прохождение образовательной программы, качество освоения которой измеряется формализованными количественными процедурами, отчуждаемыми от содержательного педагогического процесса. Между тем возможности формальных количественных процедур ограничены.

ЕГЭ как универсальный количественный показатель качества освоения образовательных программ общего образования многими оценивается как инструмент, разрушающий образование.

На заседании Государственного совета 23 декабря 2015 г. был приведен пример ежегодной Международной математической олимпиады: «Российская сборная заняла 8-е место по баллам, а в зачете по медалям оказалась на 21-м. Хотя до этого десятилетиями наши школьники занимали на подобных олимпиадах первые места, и последний раз это было в 2007 году. Потом три года подряд мы были вторыми, следующие четыре года — четвертыми, а теперь — 8-е место. Эта печальная статистика служит объективной оценкой ЕГЭ, который был введен в качестве обязательной формы оценки знаний как раз в 2008 году».

Однако у ЕГЭ есть и другая сторона, благодаря которой он имеет защитников. Создавая видимость независимой оценки качества образования, он позволяет формировать технологичные системы с их последующей монополизацией. Это формирует специфический слой менеджеров в образовании, которые *мыслят не педагогическими категориями* (главные из которых — человек, его ценности, достоинство и качество жизни), *а экономическими* — категориями прибыли, финансовой эффективности и капитализации. Этот слой постепенно захватывает управление образованием и подчиняет его получению прибыли для себя.

В годы реформ неоднократно имели место рейдерские захваты образовательных учреждений, над которыми устанавливали контроль группы тех, кто, определяя себя как «эффективных менеджеров», менял качественные характеристики образовательного процесса в сторону коммерческой структуры, работающей в логике достижения формальных показателей. Такой стиль руководства разрушает профессиональные традиции и резко снижает качество образования, демонстрируя «высокую эффективность» формальных показателей, которые не имеют отношения к действительным образовательным результатам.

Пример такого мышления — новейший управленческий документ, определяющий текущее направление катастрофических трансформаций в системе образования — «Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы» (распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2014 г. № 2765-р).

Программа изначально не выстроена в категориях национального идеала воспитания нравственного человека, обладающего гражданским, патриотическим сознанием, компетентного и ответственного в своей профессиональной сфере. Цель Программы — «обеспечение условий для эффективного развития российского образования, направленного на формирование конкурентоспособного человеческого потенциала».

Человек отменяется — так читается цель «Федеральной целевой программы». Онтологическое содержание человека, его целостность и укорененность в истории и культуре определяет целостность социально-педагогической реальности. Концепция «Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы» производит ее фрагментацию. Логика фрагментации заложена в самой постановке задач. В программе нет задач системного развития образования, поскольку не выявлена его миссия и не определены ценности. Определены только задачи и направления, каждое из которых выделяет фрагмент целостной социально-педагогической реальности (работа с талантливыми детьми, работа с детьми из неблагополучных семей, развитие дополнительного образования, построение системы независимой оценки качества образования и пр.).

Под каждую из задач формируется механизм собственного развития этого фрагмента в его собственной логике: создание для него нормативных документов, образовательных программ, экспериментальной работы, критерииев оценки эффективности и пр. В реальности талантливые дети, дети из неблагополучных семей и обычные дети учатся в одном классе и вместе посещают организации дополнительного образования, но программа не ставит задачи создания механизмов развития единого воспитательного пространства школы, района, т. е. не задает способ связывания выделенных фрагментов, и, таким образом, фрагментирует профессиональное сознание педагога.

Самая капиталоемкая задача программы — создание системы независимой оценки качества образования. Это совершенно иной системный уровень реализации экономических идей, вдохновлявших создателей ЕГЭ. Для всякого элементарно грамотного человека очевидно, что «национально-региональная система независимого мониторинга и оценки качества образования на всех его уровнях» — это капиталоемкий и очень прибыльный коммерческий проект, на который должна будет работать вся система образования, а прибыль от него будет присваиваться узкой корпоративной группой.

Поскольку в программе не рассматривается проблематика разработки и общественного обсуждения показателей *качества образования*, а сама образовательная цель сформулирована не в педагогических, а в экономических категориях, разработчикам не важна релевантность оценки качества образования, она не составляет для них научной проблемы. Для них важны *сам факт существования системы оценки качества образования* (при отсутствии критерииев собственно качества образования) и подчинение всех образовательных организаций этой системе.

Таким образом, формируется каста образовательных менеджеров-экономистов, перерождающих всю систему образования. С точки зрения психолога-педагогической науки многие их действия не оправданы, что говорит об их непрофессионализме. Зато они являются «*профессионалами в получении денег*» — или, как высказался академик и вице-президент РАО В. В. Давыдов, успешно занимаются «*подготовкой организаторов чужой жизни в свою пользу*».

Бесполезно декларировать благие намерения, не сменив сам подход, который успешно реализует, по крайней мере, две цели:

1) превратить образование в отрасль капиталистического производства, расходы на которую несет государство, а прибыль от которой присваивается корпоративным субъектом;

2) настроить образование на производство «человеческого капитала», инвестируемого в глобальное мировое производство в интересах транснационального субъекта (утечка талантливых людей за рубеж). А также на производство «человеческих ресурсов» — бездумных потребителей и исполнителей узкоспециализированных функций в системе разделения труда, лишенных идеалов и ценностей Родины и семьи, удобосклоняемых к потреблению продуктов и услуг глобального рынка, все более разворачивающегося к производству у человека виртуальных и противоестественных потребностей.

9

Если оценивать результаты деятельности образовательной системы по критериям «успешности» и «конкурентоспособности», то на государственном уровне их нужно мыслить не только в *экономическом* или *финансовом*, сколько в *морально-идеологическом, геополитическом, военном и культурном* смыслах. Такая результативность возможна только при обеспечении устойчивости духовной основы образования. Для этого нужна совсем другая *модель образования*.

Нынешняя модель образования не соответствует *цивилизационной модели России* и противоречит «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», принятой 31 декабря 2015 г. (Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683). Так, «Стратегия» постулирует необходимость сохранения суверенитета России и утверждения ее роли как одного из лидеров в поликентричном глобальном мире, что обеспечивается защитой ценностной основы нашей цивилизации.

Одна из важных угроз национальной безопасности — *стремление США сохранить доминирование в мире через повсеместное наследование модели глобализации по образцам западной цивилизации*. Модель российского образования — часть проекта создания *глобальной образовательной модели*, выстроенной по заказу западных финансово-политических институтов.

В качестве серьезной угрозы национальной безопасности России отмечаются действия *агентов* идеи доминирования в мире западной цивилизационной модели.

Россия определяет себя как одного из лидеров иной модели глобализации – *полицентрической*, где каждый цивилизационный регион может развиваться на основе собственных цивилизационных традиций и утверждать свой национальный суверенитет в логике партнерства и равноправных отношений. Но для этого надо иметь не только *суверенные политику, вооруженные силы, промышленность и сельское хозяйство*, но и, прежде всего, *суверенную образовательную систему*, ориентированную на утверждение российской цивилизации *как равноправного партнера в современном пространстве геополитической конкуренции*, соответствующую традициям ее исторического развития и преемственно вбирающую в себя модели российского образования, выработанные в различные эпохи: аскетическое, братское и общинное образование древности, классическое образование имперской эпохи, фундаментальное образование советского периода.

В пункте 11 «Стратегии национальной безопасности» в качестве одного из факторов суверенитета России рассматриваются духовные компоненты: «Возрождаются традиционные российские духовно-нравственные ценности. У подрастающего поколения формируется достойное отношение к истории России. Происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких, как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм». Таким образом, в «Стратегии» уже заложены ценностные ориентиры новой модели образования.

Поддержка традиционных ценностей как основы развития образования *декларирована* в ряде документов, но не более того.

Напротив, целый ряд управлеченческих механизмов в сфере образования целенаправленно разрушает эти традиции.

Для исправления складывающейся ситуации в организационном плане надо иметь компетентный орган с участием профессионального сообщества и широкой общественности, в том числе инициативных движений, представляющих родительское сообщество и традиционные религиозные организации.

Однако в гуманитарной сфере в России не осталось ни одной инстанции, которая могла бы давать независимую экспертную оценку деятельности Минобрнауки и называть вещи своими именами. Российская академия образования стала подчиненной структурой министерства, а Российская академия наук подвергается ползучей реформации. Общественно-педагогическое движение находится в латентном состоянии и не имеет внятных организационных форм.

10

Негативные последствия рыночного подхода в образовании ощущаются пока слабо из-за сохранения воспитательных ресурсов, которые создали предшествующие поколения. Наступит период, когда эти ресурсы иссякнут, и общество начнет активно деградировать.

Необходима новая стратегия развития образования, в которой интерес транснациональных корпораций будет ограничен логикой отношений равноправных геополитических партнеров в многополярном мировом пространстве, заявленной в «Стратегии национальной безопасности». Центральное место в ней должен занять интерес государства, ориентированного на суверенное цивилизационное развитие, интерес национально ориентированных производственных корпораций и интерес общества, заявляющего в качестве приоритета высокое качество жизни человека в России.

В связи с этим перед российским обществом и государством стоит цель изменения парадигмы образования. Не имеет смысла нынешнюю систему образования обновлять и реконструировать. Ее нужно менять. *Монополизм либеральный нужно заменять монополизмом патриотическим.* Патриотическая национальная идея России, по словам нашего президента, — это сама Россия, ее люди, соединенные общим призванием хранить Отечество и сообща созидать наше общее будущее, утверждать его трудом на историческом поприще отцов и дедов.

Мы должны развивать именно свое, основанное на многовековых традициях, образование и выводить его на новый уровень. Для этого нам необходим поиск принципиально новой системы образования.

Российскому образованию нужна модель *не отстающая и уходящая, а опережающая*. Эта модель может быть создана на антропологических основаниях. Ее интенциональный объект — человек, сохранение и утверждение облика «вечного человека» в его целостности, подлинности человеческого существования в условиях технократической экспансии и воспитание способности и решимости человека к смене вектора цивилизационного развития с «трансгуманистической» потребительской цивилизации, убивающей человеческое в человеке, на цивилизацию, создающую условия для духовного роста и становления человечности в каждом человеке.

(Окончание следует)

Литература

1. **Остапенко А. А.** Мартовские тезисы о разрушении российского образования // Воспитательная работа в школе. 2016. № 1.
2. **Слободчиков В. И.** Гуманитарно-политический кризис отечественного образования // Психолого-педагогический поиск. 2017. № 1 (41).
3. **Хагуров Т. А.** Реформы образования глазами учителей и преподавателей: год спустя // Россия реформирующаяся : ежегодник. М. : Новый хронограф, 2015.
4. **Хагуров Т. А., Остапенко А. А.** Развитие или регресс? Трансформации российского образования глазами профессионального сообщества. Начало // Школьные технологии. 2015. № 1.